

не только „простедов“, но даже князей, вельмож, попов, игуменов „И вся приходящая удивлеса, князя же и вельможи и всяк возраст града Ростова, не токмо же прстыця, но и попы и игумены и весь черноризьчъский чин, и вся приходящая из окрестных град в святую соборную церковь... ова послушающе ученья его (т. е. Кирилла)... ова же хотяще видети украшенъя святыя церкви... Бысть бо украшенъе ея чюдно зело, якоже не бысть о прежьбывавших епископех, а по нем бо ве или будеть“.¹

Из этих и подобных им рассказов можно понять, как сильно воздействовала на людей того времени „красота“ искусства. Сущность этого воздействия лучше всего пояснят два следующих рассказа, помещенных в летописях. Один из них — рассказ Повести временных лет об испытании вер послами киевского князя Владимира. Отметим отдельные места этой хорошо известной легенды.

Русские послы явились в Царьград неудовлетворенные ни верой волжских болгар, так как в их богослужениях „несть веселья“, ни религией „немцев“, в церковных службах которых послы не увидели „красоты никояже“. В Царьграде император, узнав о цели прихода русских мужей, решил показать им праздничное богослужение с участием патриарха — „красоту церковную, пенъя и службы архиерейски“. То, что послы увидели в греческом храме, изумило и удивило их. Вернувшись в Киев, они передали свое впечатление князю так: „... не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумеем бо сказати; токмо то вемы яко онъде бог с человеки пребывает, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя...“.²

Другой рассказ, написанный столетием позже, живо напоминает эту легенду, с той разницей, что в нем уже не греки, а русские с гордостью показывают иноземцам красоту своего храма.

Князь Андрей Боголюбский соорудил в своем замке в Боголюбове церковь Рождества богородицы, столь богато украшенную, что никто из видевших ее не был в состоянии передать словами „изрядныя красоты ея“. Когда к князю приходили иноземцы из разных стран или русские из других земель, он велел водить их на хоры своего храма, великолепие которого должно было показать, где находится „истинное христианство“, и убедить людей другой религии в превосходстве русской веры: „... иногда бо аче и гость приходил из Царягорода и от иных стран из Русской земли и аче латинин и до всего христьянства и до всее погани и... выведе и в церковь и на полати да видять истинное христьянство и креститься. И болгаре, и жидове, и вся погань“ видели „славу божию и украшение церковное...“.³

По подобного рода рассказам можно судить, что „красота“ искусства воспринята их авторами отнюдь не как „чистая“ красота, выражаясь языком нашего времени. Она связана здесь с представлениями и ассоциациями в основе своей политического, социального содержания. Красотой храмов возвеличивается религия страны, тем самым — мы можем это добавить — прославляется страна, в которой они воздвигнуты, прославляются богатство, могущество, власть князей — строителей великолепных сооружений, заказчиков прекрасных росписей и других произведений искусства, украшающих эти постройки.

¹ ПСРА, т. I. Лаврентьевская летопись под 6739 г.

² Повесть временных лет, ч. I, стр. 74—75.

³ ПСРА, т. II. Ипатьевская летопись под 6683 г.